

УДК 930(474.5)«198/...»:94(47)«13/17»

Раса Чепайтене*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИЧИИ: ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ

В статье обсуждается широкая палитра вопросов, связанных с восприятием памяти и наследия ВКЛ в литовском обществе за период конца XIX — начала XXI вв. Особое внимание уделяется разносторонним связям исторической науки и исторической политики, начиная с проблемы преемственности государственности и дискуссий, связанных с «числом литовских республик», до полемики насчет использования образа ВКЛ в целях евроинтеграции, региональной политики или создания гражданского общества внутри страны.

Делаются выводы, что изменения восприятия образа Великого Княжества и его использование для политических целей четко указывает на трансформации авторепрезентаций литовского государства и общества.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, память, наследие, этнолингвистический и гражданский национализм, империя, республика, евроинтеграция.

Введение

Взяться за такую тему одновременно и привлекательно, и рискованно. Рискованно потому, что автор данной статьи не является медиевистом и специалистом по истории Великого Княжества Литовского. Более того, она принадлежит обществу, на формирование идентичности и массового сознания которого память о ВКЛ наложила неизгладимый след, и это обстоятельство затрудняет возможность выйти за пределы своего национального исторического горизонта и объективно посмотреть на его ценностно-когнитивный ландшафт. Но эти два недостатка как раз могут превратиться в преимущества, если принять во внимание, что автор является исследователем политики памяти XX — начала XXI ст., уже долгое время интересующимся основными тенденциями и перемнами исторического сознания Литвы¹.

* *Rasa Čepaitienė* — PhD, старший научный сотрудник Института истории Литвы, профессор Вильнюсского университета, rasa.cepaitiene@if.vu.lt.

¹ *Aleksandravičius E.* XIX amžiaus profiliai [Профили XIX столетия]. — Vilnius, 1993; *Čepaitienė R.* Keletas pamąstymų apie istorijos politikos antropologinį matmenį [Несколько размышлений по поводу антропологического измерения политики истории] // *Šiuolaikiniai istorinės sąmonės formavimo būdai: prielaidos, galimybės ir ribos* [Современные

Очевидно, что тут приходится начинать с оговорок — анализировать память о ВКЛ собственно невозможно, если иметь в виду память *институциональную*. Да и с *культурной* памятью в данном случае не все так просто. После прекращения существования ВКЛ² его материальное наследие и память сознательно уничтожались руками многочисленных оккупационных сил. Не менее важно, что уже во время национального возрождения конца XIX в. и после приобретения независимости Литовской Республики в 1918 году эту память пришлось делить с Польшей, с которой в первой половине XX века, к сожалению, сложились отнюдь не самые благополучные отношения. В конце XX в. образ ВКЛ опять стал предметом конкуренции со стороны национальных историй соседних государств, прежде всего Беларуси. Поэтому, сталкиваясь с разрывом традиции государственного и гражданского существования и постоянно соперничая с соседями по поводу права «унаследовать» память о ВКЛ, ее «титულიная» нация в начале нового тысячелетия должна решать целый ряд интеллектуальных задач (пере)интерпретации прошлого, связанных не только с внешними, но и с внутренними условиями постоянно меняющейся политической жизни.

В таких обстоятельствах образ Великого Княжества неизбежно превращается в своеобразный маркер, указывающий на саморепрезентацию и желания литовского государства и общества на разных этапах его исторического пути. Поэтому целью данной статьи является выявление основных тенденций изменения образа ВКЛ в XX — начале XXI ст. в профессиональной историографии и исторической политике, в данном случае имея в виду использование прошлого в современных политических интересах.

Прежде чем начать такое исследование, надо коротко описать современное состояние литовской «политики памяти», в контексте которой станет более понятное ее нынешнее отношение к ВКЛ. За последнее десятилетие в этой сфере произошел ряд важных событий, в обсуждении которых более или менее активное участие, наряду с представителями других социальных и политических наук, приняли и историки. Во-первых, это вступление страны в Евросоюз в начале 2004 г. Во-вторых, празднование в 2009 году Тысячелетия упоминания Литвы в исторических документах. Обе даты, по верному замечанию исследователей³, актуализировали *миф о начале, происхождении*. Тенденцию отражает

образы формирования исторического сознания: предпосылки, возможности и ограничения]. — Vilnius, 2010. — Pp. 65–78; *Čepaitienė R. Laikas ir akmenys. Kultūros paveldo sampratos moderniojoje Lietuvoje* [Время и камни. Концепции культурного наследия в современной Литве]. — Vilnius, 2005.

² Следует отметить, что среди литовских историков нет консенсуса о том, когда же прекратило свое существование ВКЛ — в 1569 году (после подписания Люблинской унии, объединившей ВКЛ с Польским Королевством в новое союзное государство — Речь Посполитую) или в 1795 году, после третьего и последнего раздела Речи Посполитой.

³ *Šutinienė I. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės paveldo reikšmės populiariosiose tautinio naratyvo interpretacijose* [Значения наследия Великого Княжества Литовского в популярных интерпретациях национального нарратива]/Lietuvos istorijos studijos. — 2008. — Т. 21. — Pp. 102–120.

и празднование в 2003 г. 750-летнего юбилея коронации первого и единственного короля Миндовга (около 1200–1263), основателя литовского государства. На первый взгляд парадоксально, но этот юбилей успешно использовался для обоснования необходимости евроинтеграции. Особенно подчеркивалось, что король в свое время выбрал именно католическое, а не православное крещение, получил признание папы Римского, и, соответственно, всего западного политического сообщества. Таким образом, Миндовг стал для Литвы первым «евроинтегратором». Приведенную аргументацию можно считать ярким, но и довольно типичным примером использования исторических прецедентов, оправдывающих и тем самым легитимирующих современные политические решения⁴.

В свою очередь шумное празднование Миллениума Литвы подняло серьезную дискуссию по поводу самого смысла этого события. Ведь в немецком источнике 1009 г., в котором впервые упоминается топоним «Литва», рассказана история гибели христианского миссионера от рук язычников, показывающая наших предков не в самом лучшем свете. Несмотря на это, надо заметить, что празднования Тысячелетия по всей стране явно затмили следовавший через год 600-летний юбилей битвы под Грюнвальдом/Таненбергом/Жальгирисом. **Вариативность названия знаменитого сражения в разных историографических традициях региона тоже является ярким примером конструирования политики национальной памяти⁵.**

К празднествам Тысячелетия предназначалось и открытие воссозданного Дворца Государей в Нижнем замке столицы Литвы, который можно без сомнения считать самым важным культурным проектом с момента возобновления независимости. Как башня Гедиминаса отождествляется в историческом сознании литовцев с Вильнюсом и стала его метонимией, так и Дворец Государей многими представляется как метонимия самого ВКЛ и литовской государственности, воссоздание которой является коренной задачей нации (на реконструкции этого объекта остановимся отдельно).

Вышеупомянутые исторические юбилеи (Тысячелетие Литвы, битва под Грюнвальдом и пр.) способствовали не только оживлению исторических дискуссий среди профессиональных историков и публицистов, но и появлению

⁴ *Baranauskas T. Žalgirio mūšis lietuvių istorikų darbuose [Битва Жальгирис в трудах литовских историков]/Istorija. — 2011. — Т. 1. — Pp. 23–34; Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės tradicija ir paveldo dalybos [Традиция и раздел наследия Великого Княжества Литовского]. — Vilnius, 2008.*

⁵ *Baranauskas T. Žalgirio mūšis lietuvių istorikų darbuose [Битва Жальгирис в трудах литовских историков] // Istorija. — 2011. — Т. 1. — Pp. 23–34; Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth. Poland–Lithuania in Context, 1550–1772 / Ed. by K. Friedrich and B.M. Pendzich. — Leiden, 2009; Mačiulis D., Petrauskas R., Staliūnas D. Kas laimėjo Žalgirio mūšį? Istorinio paveldo dalybos Vidurio ir Rytų Europoje [Кто выиграл Грюнвальдское сражение? Раздел исторического наследия в Центральной и Восточной Европе]. — Vilnius, 2012; Petrauskas R., Staliūnas D. Drei Namen der Schlacht: Erinnerungsketten um Tannenberg / Grunwald / Žalgiris // Verflochtene Erinnerungen. Polen und seine Nachbar im 19. Und 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Aust, K. Ruchniewicz und S. Troebst. — Köln, Weimar, Wien, 2009.*

разного рода необычных общественных инициатив. Среди них особого упоминания заслуживает поход «2 000 километров истории». С 8 сентября по 15 октября 2010 г. десять всадников прошли маршем от места рождения великого князя Витаутаса в Старых Тракай до Черного моря, куда предположительно доходили его войска. В национальном воображении остается действенным миф о том, что князь поил своего коня в воде Черного моря, что, по мнению здравомыслящих людей, казалось лишь эффектным вымыслом. Но поход на лошадях старинной выносливой литовской породы жемайтукас (*žemaitukas*)⁶, которую лишь старательными усилиями энтузиастов удалось спасти от исчезновения в XX веке, не деконструировал, а действительно подтвердил этот миф — жемайтукасы пили морскую воду! (на месте, где оно смешивалось с водой устья реки).

Главное, что Тысячелетие стало поводом для своеобразного «подведения итогов» и дало возможность переосмыслить историю страны и представить ее в несколько ином свете⁷. Какое же место в этой новой интерпретации прошлого занимает период так называемого «Золотого века» литовской государственности — эпоха Великого Княжества Литовского?

От «страны, где в могилах спят герои», до... рекламы водки

*Kur šiandieną Jinai?
Miega jos milžinai;
Po žemių jų ilsis krūtinė!
Kaip po audrų didžiū
Kad ant marių plačiū
Užmiega vilnis paskutinė.*

*Kur garsioji šalis,
Varius savo vilnis
Lyg Dono ir marių Juodųjų?..
Vienas garsas tiktai,
Vien apžėlę kapai
Beliko iš amžių senųjų!*⁸

Maironis

⁶ Некоторые любители истории предполагают, что именно представитель этой породы изображен на национальном гербе «Vytis» («Погоня»).

⁷ *Bumblauskas A.* Lietuvos Tūkstantmetis — Millenium Lithuaniae. Arba ką Lietuva šia proga gali pasakyti pasauliui [Тысячелетие Литвы — Millenium Lithuaniae. Или что по такому поводу Литва может сказать миру] // Lietuvos istorijos studijos. — 2009. — № 23. Pp. 10–18; *Laurinavičius Č.* Klausimai, minint Lietuvos vardo tūkstantmetį [Вопросы, возникшие упоминая тысячелетие названия Литвы] // Metai. — 2009. — № 7 // <http://www.tekstai.lt/zurnalas-metai/542-2009-nr-07-liepa/5369-ceslovas-laurinavicius-klausimai-minint-lietuvos-vardo-tukstantmeti.html>.

⁸ Где сегодня Она? / Спят ее великаны; / Их грудь нашла отдых под землей! / Как после великих бурь / На широких морях / Засыпает последняя волна. / Где ж знаменитая страна, / Которая гнала свои волны / До Дона и Черных морей? / Лишь слава, / Лишь заросшие могилы / Вот что осталось от древних времен! (Майронис).

Надо признать, что не только традиционная литовская историография, но и исторические школы соседних стран еще до недавнего времени не могли похвастаться трактовками ВКЛ, способными перешагнуть узкие границы национальных традиций. Даже в тех редких случаях, когда это удавалось, в основном преобладали исследования отдельно взятых сюжетов или аспектов. Российский историк Александр Филюшкин справедливо заметил, что это скорее напоминало рассматривание «осколков разбитого зеркала»⁹. Тем не менее, важно сказать, что за несколько последних лет число текстов, пытающихся закрыть эту брешь на основе коллективных, междисциплинарных и международных исследований значительно возросло. Результаты таких исследований не только подрывают созданный в XIX–XX вв. узконациональный и этноцентричный образ ВКЛ, но и переносятся в публичные дискуссии о современном национализме и его групповых репрезентациях. Например, по инициативе того же Филюшкина был начат «Проект имперской истории», посвященный попыткам найти общие знаменатели в интерпретациях наследия ВКЛ.

В свою очередь, историки Вильнюсского университета под руководством проф. Альфредаса Бумблаускаса предприняли попытку объединить коллег соседних стран для переоценки истории этого периода, результатом чего стала серия коллективных монографий, ярко обогативших понимание истории древней Литвы и всего региона¹⁰. Несомненно, издание таких работ будет продолжено и в будущем.

Однако такая ревизия образа ВКЛ, по крайней мере в Литве, часто сталкивается с неприязнью со стороны традиционной историографии и массового сознания, которое до сих пор склонно воспринимать древнее литовское государство узко этнолингвистически. В результате средневековая государственность и культура рассматриваются лишь как результат деятельности этнических литовцев. Данный подход формировался в течение довольно длительного периода — начиная с трудов первого литовского историка Симонаса Даукантаса (1793–1864) и особенно в период «кузницы литовской идентичности», в которой «ковали» активисты национального возрождения на стыке XIX–XX вв.¹¹ В итоге

⁹ Филюшкин А. Взглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого Княжества Литовского//Ab imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. — 2004. — № 4. — С. 561–601.

¹⁰ Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorinis kraštovaizdis [Исторический ландшафт Великого Княжества Литовского] / Sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius, 2012; Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės tradicija ir paveldo dalybos [Традиция и раздел наследия Великого Княжества Литовского]. — Vilnius, 2008; Naujasis Vilniaus perskaitymas. Didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūris miesto paveldas [Новое прочтение Вильнюса. Великие исторические рассказы и многокультурное наследие города]. — Vilnius, 2009; Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai [Восток в общественной традиции Великого Княжества Литовского: татары и караимы]. — Vilnius, 2008; Vadovas po Didžiąją Lietuvos kunigaikštystę [Путеводитель по Великому Княжеству Литовскому]. — Vilnius, 2012.

¹¹ Subačius P. Lietuvių tapatybės kalvė. Tautinio išsivadavimo kultūra [Кузница литовской идентичности. Культура народного освобождения]. — Vilnius, 1999.

в межвоенной Литовской Республике такая интерпретация истории приобрела черты твердо укрепившегося и ставшего основой национального самосознания «большого исторического нарратива», сумевшего сохранить силу даже в советский период, несмотря на тогдашние идеологические препятствия, ограничения и искажения. Без особых качественных изменений «большой нарратив» успешно возродился во время кризиса и коллапса СССР¹².

В основе этого образа ВКЛ лежит романтическая «земля героев», воспетая великим национальным поэтом Майронисом (1862–1932), или «Литва князей», за довольно короткое время сумевших превратить страну в самое большое государство средневековой Европы. Кстати, современные социологические исследования исторического сознания в Литве показывают, что «княжескую эпоху» можно считать каноническим сюжетом, интерпретация которого, несмотря на радикальные трансформации социальной и политической конъюнктуры, практически не меняется¹³. Это образ сильно мифологизирован, эмоционален, насыщен символами военной славы и территориального могущества. В XIX — первой половине XX вв. он питался талантливой поэзией, картинами и скульптурами, а сегодня — и рекламными видеоклипами¹⁴.

Но из логики традиционного «великого национального нарратива» следовало не только восприятие своей нации как центрального субъекта истории страны при игнорировании или преуменьшении вклада других местных этносов, но и изоляционистский подход к прошлому Литвы, оставляющий без внимания более широкий контекст региональной и континентальной политики и культуры того времени. Вследствие такой интерпретации история Литвы оставалась своеобразно «разрезанной на куски». В учебниках, текстах исторической публицистики и даже в научных монографиях значительное внимание уделялось только «литовским» (в этнолингвистическом понимании) периодам — созданию государства в середине XIII века и экспансии литовских князей на балтославянские территории современной Белоруссии и Украину; народно-освободительное движение конца XIX — начала XX вв.; приобретение независимости в 1918–1940 и после 1991 г. Такие позитивные эпохи чередовались с периодами «чужого господства».

Некоторые историки начало деградации литовской государственности и культуры видели еще в 1387 г., когда Литва приняла католическое крещение, дескать, разрушившее ее высокую языческую цивилизацию. Также отрица-

¹² *Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы // *Ab imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве.* — 2004. — № 4. — С. 507–522.

¹³ *Šutinienė I.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės paveldo reikšmės populiariosiose tautinio naratyvo interpretacijose [Значения наследия Великого Княжества Литовского в популярных интерпретациях национального нарратива] // *Lietuvos istorijos studijos.* — 2008. — Т. 21. — Pp. 102–120; *Šutinienė I.* Tautos praeities interpretacijos ir nacionalizmo ideologija. Lietuvos socialinės panoramos kontūrai [Интерпретации национального прошлого и идеология национализма]. — Vilnius, 1998. — Pp. 50–57.

¹⁴ См. например, рекламу литовской водки: <http://www.youtube.com/watch?v=HUvX500AOJM&feature=related>.

тельно оценивалась Люблинская уния 1569 г. Тем более это касалось периода царской (1795–1915), немецкой и советской оккупации (1940–1990). Такое разорванное видение «линии государственности» побуждало искать своеобразный «литовский путь», подчеркивало «исторические обиды и жертвы», способствовало выявлению «врагов» и стимулировало подозрительное отношение к соседям, что затрудняло синхронизацию истории Литвы и Европы¹⁵.

Чуть ли не все выше перечисленные черты «великого национального нарратива» заметны уже в первом национальном синтезе истории Литвы под редакцией Адольфаса Шапоки, вышедшем в свет в 1936 г. и не раз переизданном многотысячными тиражами после 1990 г.¹⁶ Кстати, редактор коллективной «Истории Литвы» А. Шапока еще в 1932 г. написал программную статью, призывавшую коллег «найти литовцев в истории Литвы», поскольку до того ее, дескать, исследовали «чужие» — немцы, поляки, русские и пр. — имевшие склонность подчеркивать достижения лишь собственного народа¹⁷. Такой этноцентричный подход можно считать полноправным продуктом своего времени и, наверное, ни одна национальная историография не могла его избежать. Вместе с тем, из-за упомянутых выше исторических обстоятельств, литовская историография не могла развиваться свободно, в тесном контакте с историческими исследованиями других стран. В результате, этноцентричный подход крепко утвердился в головах историков как патриотический долг борьбы за души земляков и против политических козней соседей — прежде всего, конечно, поляков.

ВКЛ в контексте политики памяти XX в.

Другим важным вопросом является то, каким образом и какие именно сюжеты эпохи Великого Княжества использовались политиками и обществом? На него ответить несложно, поскольку некоторые из них уже подробно анализировались. Например, в межвоенной Литовской Республике преобладал культ великого князя Витаутаса, апогей которого приходится на 1930 г. — 500-летнюю годовщину его смерти. Этот пласт политики памяти того периода довольно хорошо изучен исследователями¹⁸. Среди них преобладает мнение, что

¹⁵ Šermukšnytė R. Ideologijos ir istoriografijos įtaka Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės istorijos aktualinimui. Lietuvos dokumentinio diskurso (1988–2007 m.) analizė [Влияние идеологии и историографии на актуализацию истории Великого Княжества Литовского. Анализ литовского документального дискурса (1988–2007)] // Lietuvos istorijos studijos. — 2009. — Т. 24. — Pp. 136–149.

¹⁶ Gieda A. Adolfo Šapokos redaguota Lietuvos istorija: populiarumo kontekstai [История Литвы под редакцией Адольфаса Шапоки: контексты популярности] // Naujasis židinys-Aidai. — 2007. — № 3. — Pp. 115–123.

¹⁷ Šapoka A. Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Найдем литовцев в истории Литвы] // Naujoji Romuva. — 1932. — № 21. — Pp. 2.

¹⁸ Alyvdas N. Vytauto ir Jogailos įvaizdis Lietuvos ir Lenkijos visuomenėse [Образ Витаутаса и Ягелы в литовском и польском обществах]. — Vilnius, 2002; Mačiulis D. Vytauto Didžiojo metų (1930) kampanijos prasmė [Смысл кампании года Витаутаса Великого (1930)] // Lituanistica. — 2001. — № 2. — Pp. 54–75; Mickūnaitė G. Vytautas

выбор князя Витаутаса для роли главной фигуры межвоенной политики памяти был отнюдь не случаен. Контекстом начала и развития культа князя стал не только юбилей его смерти, но и усилия окружения авторитарного президента Антанаса Сметоны, стремившегося легитимировать антидемократический поворот развития страны после государственного переворота 17 декабря 1926 г. Естественно, для этих целей пользовались и воспоминаниями о недавних боях за независимость¹⁹, но надо признать, что преобладало именно внимание к литовской истории до Люблинской унии.

По мнению историка и религиоведа Гинтараса Береснявичюса, во время краткого периода независимости Литва чувствовала себя в окружении врагов, как и в эпоху князей. Не доверяя отнявшим Вильнюс «злым полякам» и «коварным тевтонцам», реальная политика была ориентирована в сторону России²⁰. С другой стороны, образ самого могущественного литовского государя, творца наибольшего территориального превосходства ВКЛ (миф «Золотого века»), позволял преодолевать комплексы неполноценности очень ограниченной географически и слабой на международной арене страны в межвоенный период.

Такой образ древней Литвы сохранился в сообществе литовских историков и в массовом сознании даже в советское время, несмотря на изменения официальной интерпретации ВКЛ как со стороны марксистской идеологии, считавшей ВКЛ творением «феодалов и экспроприаторов масс трудящихся», так и со стороны российской историографии, с царских времен видевшей это государство как «исконно русские земли, Вторую Русь»²¹. Интересно, что, несмотря на пресечение любого проявления литовского «национализма» в трактовках истории, якобы «антизападная» и «антихристианская» политика ВКЛ партийными идеологами оценивалась в основном позитивно, что позволило литовским «политикам истории» использовать этот аспект в национальных целях.

Парадоксально, что во времена, когда по всей республике уничтожались «буржуазные символы», в число которых попали и межвоенные памятники Витаутасу Великому (хотя некоторым деревенским общинам удалось защитить эти памятники от разрушения), празднование победы «братских балто-

Didysis: valdovo įvaizdis [Витаутас Великий: образ государя]. — Vilnius, 2008; *Viliūnas G. Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje* [Культ Витаутаса Великого в межвоенной Литве] // Lietuvos atgimimo istorijos studijos. Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.). — 2001. — Т. 17. — Pp. 68–102; *Viliūnas G. Vytauto mitas moderniojoje Lietuvoje* [Миф Витаутаса в современной Литве] // Kultūros barai. — 1995. — № 6. — Pp. 63–67.

¹⁹ *Staliūnas D. Žuvusių karių kultas tarpukario Lietuvoje* [Культ погибших воинов в межвоенной Литве] // Lietuvos atgimimo istorijos studijos. Nacionalizmas ir emocijos. — 2001. — Т. 17. — Pp. 120–132.

²⁰ *Beresnevičius G. Ant laiko ašmenų* [На лезвии времени]. — Vilnius, 2002.

²¹ *Кром М. Великое Княжество Литовское в Российской историографии XIX–XX веков* // Lietuvos didžiosios kunigaikštystės tradicija ir tautiniai naratyvai. — Vilnius, 2009. — С. 177–1921.

славянских народов» в Грюнвальдской битве было разрешено, как и использование литовской формы названия битвы («Жальгирис») для спортивных клубов, колхозов, улиц и так далее²². В свою очередь советская власть, борováшаяся с «религиозными предрассудками» и Католической Церковью, закрывала глаза на романтическое восхищение «старинной» в деятельности разнообразных краеведческих кружков и сообществ с неязыческими наклонностями. Поэтому отношение советской власти к памяти и наследию ВКЛ можно считать амбивалентным и неоднородным. Интересно, например, вспомнить историю восстановления Тракайского замка, которое было бы неосуществимо без прямой поддержки ЦК КП ЛССР и лично ее первого секретаря Антанаса Снечкуса (смотри далее).

Такая иногда противоречивая и неясная позиция властей в целом способствовала продолжению развития исторического литуаноцентризма в среде профессиональных историков и гуманитариев²³. Например, в советское время при исследовании Метрики ВКЛ, летописей и Статутов, возникла проблема определения языка этих источников. По-видимому, не желая отдавать этот ценный пласт древней культуры беларусам или русским, была изобретена формулировка «канцелярского славянского языка ВКЛ»²⁴. Кстати, именно в советское время собственно литуанистические исследования языка, фольклора и литературы тоже получили значительное развитие.

Традиционная парадигма трактовки истории само собой возродилась с приобретением независимости в 1990 г. и продолжает существовать в трудах некоторых профессиональных историков и публицистов. Но такой оптике поиска и защиты «вечной литовскости» за последние 20 лет было противопоставлено несколько концепций, на разных основаниях оспаривающих литуаноцентризм в историографии и политике памяти. Прежде всего, надо упомянуть группу исследователей, собравшихся вокруг журнала «Tautinio atgimimo studijos» («Студии национального возрождения»), которые обосновали идею, что межвоенная Литовская Республика не была органическим продолжением ВКЛ, а являлась творением рожденного этнолингвистическим национализмом литовского народа²⁵.

²² *Petrauskas R.* Žalgirio mūšis ir lietuvių istorinė tradicija [Битва под Жалгирис и литовская историческая традиция] // *Naujasis židinys/Aidai*. — 2010. — № 7/8. — Pp. 224–229.

²³ *Švedas A.* Matricos nelaisvėje: Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985) [В плену у Матрицы. Литовская историография советского времени (1944–1985)]. — Vilnius, 2009.

²⁴ *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T. 2: Iki pirmųjų raštų [История литовского языка. Т. 2. До первых грамот]. — Vilnius, 1987. — Pp. 117–135.

²⁵ *Aleksandravičius E.* XIX amžiaus profiliai [Профили XIX-ого столетия]. — Vilnius, 1993; *Aleksandravičius E., Kulakauskas A.* Carų valdžioje: Lietuva XIX amžiuje. [Под властью царей: Литва в XIX веке]. — Vilnius, 1996; *Kulakauskas A.* Nuo Didžiosios Kunigaikštystės iki Respublikos: Lietuvos etnopolitinės raidos XIX amžiuje bruožai [От Великого Княжества до Республики: черты этнополитического развития Литвы в XIX веке] // *Kultūros barai*. — 1995. — № 1. — Pp. 34–46; *Miknys R.* Lietuvos Didžiosios

В свою очередь авторитетный медиевист профессор Эдвардас Гудавичюс, его коллеги из Института истории Литвы (Юрате Кяупене, Зигмас Кяупа²⁶, Инге Лукшайте²⁷, Рамуне Шмигельските-Стукене²⁸ и пр.) и ученики бросили вызов литуаноцентристской историографии, противопоставляя ей, на первый взгляд, «космополитический» подход к трактовке ВКЛ. Данная концепция позволила отбросить этнолингвистический и традиционный антипольский нарратив, положив основу для совершенно новой интерпретации наследия ВКЛ, созданного на польском и русинском языках²⁹. Суть данной концепции заключается в идее «опаздывающей европеизации Литвы», которая началась с момента ее крещения. Конкретным отражением этой «европеизации» стали разноязычные виды культуры ВКЛ и синкретические формы его искусства, объединившие латинскую (западную) и византийскую (восточную) традиции. Победившая модель польскоязычной культуры, по мнению Е. Гудавичюса, превратила культуру ВКЛ во «второй вариант польской цивилизации»³⁰. Идея Гудавичюса, что это «была плата за вхождение Литвы в Европу», больше не позволяет считать полонизацию только «происками польских империалистов» в отношении восточных соседей³¹. Такая концепция, в определенной мере, идет вразрез с литовской историографией, оценивающей процессы полонизации ВКЛ и литовского общества однозначно негативно.

Тем самым в противовес узким языковым и этническим подходам была развита модель поликультурного, полиэтнического и поликонфессионального государства, позволившая не только обогатить интерпретации прошлого, но и интегрировать в орбиту литовской культуры людей, феномены и произведения,

Kunigaikštystės valstybingumo tradicija lietuvių tautinio judėjimo politinėje programoje (teorinis ir praktinis aspektai) [Традиция государственности Великого Княжества Литовского в политической программе литовского национального возрождения (теоретический и практический аспекты)] // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai [Традиция Великого Княжества Литовского и национальные нарративы] / Sud. A. Bumblauskas, G. Potašenko. — Vilnius, 2009. — Pp. 117–144.

²⁶ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. The History of Lithuania before 1795. — Vilnius, 2000.

²⁷ Lukšaitė I. Reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Mažojoje Lietuvoje [Реформация в Великом Княжестве Литовском и в Малой Литве]. — Vilnius, 1999.

²⁸ Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorinis kraštovaizdis [Исторический ландшафт Великого Княжества Литовского] / Sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius, 2012.

²⁹ Gudavičius E. Lietuvos pritaipimo prie Europos istorinė perspektyva [Историческая перспектива сочетания Литвы с Европой] // Lietuvos mokslas. — 1995. — Т. 3. — Кн. 6. — Pp. 4–17.

³⁰ Gudavičius E. Lietuvos europėjimo keliais: istorinės studijos [На путях европеизации Литвы: исторические исследования] / Sud. A. Bumblauskas, R. Petrauskas. — Vilnius, 2002.

³¹ Bumblauskas A. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos paveldo «dalybos» ir «Litva/Letuva» distinkcijos konceptas [«Деление» наследия Великого Княжества Литовского и концепт G. Potašenko. — Vilnius дистинкции «Литва/Летува»] // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo dalybos [Традиция и «раздел» наследия Великого Княжества Литовского] / Sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, 008. — Pp. 26–27.

которые до того с легкой руки отвергались как «чужие». С другой стороны, новая трактовка ВКЛ становилась продуктивной и в контексте исследований исторической регионалистики³², а также выступает в роли прецедента для создания толерантной и поликультурной Европы³³.

Ученики Е. Гудавичюса, прежде всего А. Бумблаускас³⁴, Григорий Потащенко³⁵, Римвидас Петраускас, Елигиус Райла и другие взяли за переосмысление не только ВКЛ, но и Речи Посполитой. Они обратили внимание на ограниченность традиционной, по сути идеологической, оценки роли «старолитвинов» (представителей польскоязычного дворянства и полонизированной части литовской интеллигенции) и «младолитвинов» (членов движения национального возрождения)³⁶. Обе группы стали определяться не как взаимоисключающие, но равноправные типы групповой литовской самоидентификации, заслуживающие дани уважения в пространстве культуры и политики страны. Таким же образом и реформаторские усилия конца XVIII века, и трагические события уничтожения государства предстают в новом свете — не эксклюзивистско-этнолингвистического, а именно инклюзивного, гражданского национализма. Это позволило принять за «литовскую» (в широком смысле этого слова) и Конституцию 3-его мая, а также другие феномены конца XVIII века³⁷.

На стыке памяти и политики: нынешние взгляды на ВКЛ

Выше уже упоминались трудности, с которыми столкнулась и по сей день сталкивается литовская государственность при попытке обосновать прямую связь с ВКЛ. Хотя в «Акте о Независимости Литвы» от 16 февраля 1918 г. провозглашалось «восстановление», а не «создание» государства, тем не менее, националистическая идеология того времени сознательно отгородилась от еще живых традиций Великого Княжества, пестуемых представителями местного польскоязычного дворянства, в среде которого особо надо выделить движение

³² *Bumblauskas A. Lietuvos Tūkstantmetis — Millenium Lithuaniae. Arba ką Lietuva šia proga gali pasakyti pasauliui [Тысячелетие Литвы — Millenium Lithuaniae. Или что по такому поводу Литва может сказать миру] // Lietuvos istorijos studijos. — 2009. — № 23. Pp. 10–18.*

³³ *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth. Poland–Lithuania in Context, 1550–1772 / Ed. by K. Friedrich and B.M. Pendzich. — Leiden, 2009.*

³⁴ *Bumblauskas A. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija ir jos tradicija [Великое Княжество Литовское и его традиция]. — Vilnius, 2010.*

³⁵ *Потащенко Г. Формирование национальной идентичности литовцев: политическая традиция Великого Княжества Литовского, имперский патриотизм и русский «Другой» // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo dalybos / Sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko). — Vilnius, 2008. — Pp. 377–392; Potašenko G. Multi-national Lithuania. History of Ethnic Minorities. — Kaunas, 2008.*

³⁶ *Bumblauskas A. Gegužės 3-iosios Konstitucija: Lietuvos ir Lenkijos užmarštys [Конституция 3-его Мая: литовско-польские забвения]. 1791 m. Gegužės 3 dienos konstitucijos ir trečiųjų Lietuvos ir Lenkijos valstybių įstojimo į Europos Sąjungą metinių iškilmingo minėjimo ir konferencijos medžiaga (sud. S. Pagirienė). — Vilnius, 2007. — Pp. 79–99.*

³⁷ *Raila E. 1791 m. gegužės 3 d. konstitucija [Конституция 3-его Мая 1791 г.]. — Vilnius, 2001.*

крайевцев. По верному замечанию Антанаса Кулакаускаса, «в основном связь новой Литвы со старой историей государственности обосновывалась не унаследованной, хотя и каждый раз изменяемой традицией, а соответственно идеологизированной реконструкцией истории». «По типу социального и политического генезиса новое Литовское государство, в отличие от Польши или Венгрии, фактически аналогично латышскому и эстонскому»³⁸. Также была поднята дискуссия по поводу числа «республик» в истории Литвы, ставя вопрос, можно ли считать современное государство «второй» или уже «третьей» республикой?³⁹

Но, несмотря на продолжающиеся споры историков по поводу государственного строения древнего государства и его юридических и символических связей с последующими этапами истории, в массовом сознании прочно утвердился образ ВКЛ как созданной литовцами *сверхдержавы*. Он кроется в вышеупомянутом мифологизированном представлении о «Литве князей» или «земле героев», если взять слова межвоенного и нынешнего литовского государственного гимна (написан в 1898 году Винцасом Кудиркой), призывающего соотечественников «из прошлого черпать силу». Кстати, и социологические исследования указывают, что литовцам, более чем латышам или эстонцам, действительно свойственна ориентация на прошлое⁴⁰.

Возможно, не случайно, что во время дебатов по поводу вступления в ЕС увеличилось и внимание к возможности использования опыта ВКЛ в новых исторических условиях. Возник целый ряд вопросов, приобретших и историко-философский характер: каким образом история и культура древних балтов и ВКЛ повлияли на наш менталитет? Что ждет литовское государство и общество в ближайшем и более далеком будущем? Какие последствия для существования нации будут иметь евроинтеграция и порожденный ею до того неслыханный поток эмиграции?

Ответ на эти нелегкие вопросы попытался дать известный специалист по мифологии и религии балтов, писатель и эссеист Гинтарас Береснявичюс. За год до вступления Литвы в Евросоюз он издал небольшую книгу, которая стала настоящей интеллектуальной провокацией для политического истеблишмента и широкой публики. Внимание привлекает уже само ее название: «Построение империи. набросок литовской идеологии. Евросоюз и геополитика Литвы в первой половине XXI в.».

³⁸ *Kulakauskas A.* Liepos 6-oji turėtų įgyti savitesnį „veidą« [6-ое июля должно приобрести более самобытное выражение «лицо»]. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.balsas.lt/naujiena/545588/liepos-6-oji-turetu-igyti-savitesni-veida>.

³⁹ *Ragauskas A.* Kiek Lietuvoje būta «respublikų»? Valstybės kontinuiteto problema politinėje istorinėje simbolikoje [Сколько в Литве было «республик»? Проблема континуитета государства в политической и исторической символической] // *Parlamento studijos*. — 2006. — № 6. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.parlamentostudijos.lt/Nr6/6_Politika_Ragauskas.htm (15.07.2011).

⁴⁰ *Šutinienė I.* Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje [Национальные исторические мифы в сознании жителей Литвы] // *Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika*. — Vilnius, 1997. — Pp. 66–89.

В отличие от других интеллектуалов эпохи постмодерна, часто видящих свою социальную миссию в деконструкции идеологических мифов и стереотипов, Береснявичюс ясно понимал опасность нехватки способных объединять нацию идеологических нарративов и проектов, но в то же время увидел и бессилие мифологем, унаследованных от советского и более раннего периодов.

«Я был евроскептиком, частично им и остаюсь. Эта книжка — анализ евроскептики. Мне не нравится многое из того, что делается в ЕС, не нравится ни унитаризм, ни иммигранты, ни тенденции потери государственности, ни безликая внешняя политика, ни нехватка самосознания. Но, если уж понятно, что альтернативы нет, надо постараться, чтобы эта альтернатива не потянула нас на мутное дно, а подняла бы на поверхность, бок-о-бок с дрейфующими крупными китами. Это не бред. Это единственный заслуживающий внимания путь. Путь не скучный, а это уже немало. (...) Мы должны войти в ЕС как демократичная империя, действующая в пространствах, превосходящих территорию самого ЕС. (...) Украина, Беларусь, Закавказье — регионы, из-за общего прошлого чувствующие к нам симпатию, а теперь это стратегические регионы мировой геополитики. Мы можем создать себе большое экзистенциальное приключение, которое, кроме политических дивидендов, должно дать и экономические, превратив нас в Балтийского тигра. Политического и экономического. Иначе идти в ЕС было бы таким же медленным самоубийством, как и отказ от вступления в него»⁴¹.

Из местами ироничного, местами страстного призыва решиться на такое «экзистенциальное приключение создания империи» видно, что эссеист пытался высвободить литовскую нацию от присущих маленьким народам комплексов неполноценности, стереотипов мышления и страхов. Даже национальный характер, менталитет, все его депрессии и беды он определял как последствия подавленного «племенного имперского чувства», которое должен быть высвобождено от ленивого конформизма современного потребительского общества.

Очевидно, что концепция Г. Береснявичюса прежде всего обращена в будущее. А прошлое служит ему как полезный прецедент и пример для творческого подражания. Но, несмотря на местами пылкую наивность риторики, ее трудно обвинить в шовинизме. В тексте вы не найдете неуважительных высказываний по отношению к другим нациям. Скорее всего наоборот. Для успешного развития «новой имперской миссии» Литвы Береснявичюс возлагает много надежд на симпатии и благосклонность по отношению к ней со стороны представителей элит и граждан стран Восточной Европы и Среднего Востока. Хотя, надо заметить, это доброе расположение скорее сохранилось со времен общего прошлого в составе СССР и напрямую не связано с памятью о ВКЛ.

Получается, что проповедуемый им «литовский империализм» скорее виртуален. Он предлагал стране и гражданам сыграть активную роль в

⁴¹ *Beresnevičius G. Imperijos darymas. Lietuviškosios ideologijos metmenys. Europos Sąjunga ir Lietuvos geopolitika XXI a. pirmojoje pusėje [Совершенство империи. Набросок литовской идеологии. Евросоюз и геополитика Литвы в первой половине XXI в.]. — Vilnius, 2003. — P. 7.*

геополитических играх современности от Балтии до среднеазиатских пустынь, став эффективным посредником ЕС для отстаивания его интересов в этом громадном регионе, специфику которого еврократы, в отличие от нас, так хорошо не знают. Ничтожность геополитического «веса» Литвы, по его мнению, как раз может стать преимуществом — потенциальные партнеры не будут бояться маленькой страны и подозревать ее в зломыслии. Видя в своих соотечественниках потомков *варваров* раннего Средневековья (Береснявичюс в это понятие вкладывает очень позитивный смысл), религиовед вдохновлял их противопоставить свою дотоле зажатую «варварскую силу» и творческий порыв выдохшейся и состарившейся Западной Европе и таким образом укрепить свою национальную идентичность в контексте глобализации и роста коллективной нестабильности.

Надо подметить, что Береснявичюс не был первым интеллектуалом, поднявшим вопрос об имперском характере ВКЛ и о возможности использования его символического капитала для современных нужд. В своих речах понятие «империи Витаутаса» употреблял еще президент А. Сметона, но в межвоенное время оно не получило распространение. Тем более этого не могло произойти в советские времена, когда утвердился образ Литвы как вечной жертвы истории. Но книга Береснявичюса 2003 г. позволила связать часто самодостаточные исследования прошлого с геополитическими проекциями будущего страны в виде очертания контуров новой, позитивной и оптимистически ориентированной идеологии.

Автор данной статьи не берется судить, насколько идеи Береснявичюса напрямую или косвенно повлияли на реальную внешнюю политику Литвы при правлении президентов Валдаса Адамкуса (1998–2003, 2004–2009 гг.) и Далии Грибаускайте (с 2009 г.). Этот вопрос требует отдельного исследования. Но очевидно, что поднятые им проблемы современной литовской идентичности и ее связи с эпохой Великого Княжества были своевременны и соответствовали нуждам общества и государства, столкнувшегося с новыми геополитическими вызовами. Тем самым Береснявичюс напрямую или косвенно поощрял интеллектуалов на продолжение дискуссий по этому поводу.

Из текстов, посвященных проблематике ВКЛ, число которых возросло после трагической гибели Береснявичюса при неясных обстоятельствах в 2006 г., надо выделить статьи и монографию авторитетного философа и социолога Зенонаса Норкуса⁴². Сам их автор признается в том, что на его временное «превращение»

⁴² *Norkus Z.* Ar Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė buvo federacija? [Было ли Великое Княжество Литовское федерацией?] // Lietuvos istorijos studijos. — 2008. — Т. 22. — Pp. 9–38; *Norkus Z.* Ar Lietuvos Didžioji Kunigaikštija buvo imperija? [Было ли Великое Княжество Литовское империей?] // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo «dalybos», [Традиция и «раздел» наследия Великого Княжества Литовского] / Sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. — Vilnius, 2008. — Pp. 205–261; *Norkus Z.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė lyginamosios istorinės imperijų sociologijos ir tarptautinių santykių teorijos retrospektyvoje [Великое Княжество Литовское в перспективе сравнительной исторической социологии империй и теории международных отношений] // Politologija. — 2007. — № 1 (45). — Pp. 3–78; *Norkus Z.* Nepasiskelbusioji imperija.

в историка-медиевиста повлияла именно историософская эссеистика Г. Берснэвичюса, памяти которого он и посвятил свою «Непровозглашенную империю». Благодаря Норкусу в литовской историографии впервые был предложен взгляд на прошлое древней Литвы со стороны более широкой аналитической перспективы, включая современные теории исторической социологии (особенно ее ответвления — сравнительной империологии) и международных отношений. В этом масштабном исследовании ставились очень важные вопросы: чем являлась ВКЛ — империей или федерацией? Древние литовцы пришли в земли Руси как завоеватели или освободители? Какая империя была ВКЛ? Когда она стала империей и когда прекратила ею быть (даты ее рождения и смерти)? Чья империя была ВКЛ? Какое ее историческое значение? и пр.

Споря с историографической традицией, считающей ВКЛ федерацией и опираясь на выделенные разными исследователями основные отличительные черты обоих этих форм строения государства, Норкус доказывает имперский характер ВКЛ⁴³. Например, хотя оно не могло похвастаться численностью жителей, развитыми системами путей и коммуникаций, универсалистской идеологией, т.е. основными «признаками» классических империй, выделенными Т. Барфильдом, но ее продолжительная и обширная территориальная экспансия в XIII–XVI вв. и желание стать гегемоном Восточной Европы, как и территориальное строение, в котором выделяется метрополия (собственно Литва, Вильнюсское и Тракайское воеводства) и ей подвластные провинции («окраины») — все эти характеристики позволяют называть ее империей. Норкус также оспаривает традиционно сложившееся в регионе негативное отношение к этому термину, чего нет, например, в британском восприятии своего прошлого.

Особенно ценно и убедительно то, что разные аспекты «литовского империализма» помещены Норкусом во впечатляющий обширный сравнительный контекст других древних и современных империй, что позволяет автору выявить специфику и типичность ВКЛ в этом отношении. Хотя современники ее так не называли и не воспринимали (за исключением великого князя Альгирдаса (1296–1377), который использовал титул императора (З. Норкус цитирует письмо Альгирдаса патриарху Константинополя от 1371 года, в котором он именуется *василеус*⁴⁴, по мнению исследователя, древнее литовское государство, созданное вследствие «авантюристического империализма», в действительности можно считать вторичной патримониальной империей, добивавшейся присоединения всех земель древней Руси. Литовцы были «империалистами-освободителями», избавлявшими славянские земли от монголо-татарского ига.

Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios imperijų sociologijos požiūriu [Непровозглашенная империя. Великое Княжество Литовское с позиций сравнительной социологии империй]. — Vilnius, 2009.

⁴³ *Norkus Z.* Ar Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė buvo federacija? [Было ли Великое Княжество Литовское федерацией?] // *Lietuvos istorijos studijos*. — 2008. — Т. 22. — Рр. 9–38.

⁴⁴ *Norkus Z.* Nepasiskelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios imperijų sociologijos požiūriu [Непровозгласившаяся империя. Великое Княжество Литовское с позиций сравнительной социологии империй]. — Vilnius, 2009. — Рр. 31–32.

По типу правления литовская империя им причисляется к гегемониальным, т.е. оставляющим нетронутым традиционный строй и порядок завоеванных обществ (этим объясняется и ее известная «толерантность»), чем она похожа на британский вариант имперского управления колониями, в отличие от территориального типа империй, к которым Норкус причисляет главного конкурента и врага ВКЛ — Московию.

Хотя этой империи не хватало универсальной идеологии, все-таки перспектива Вильнюса как «второго Киева» стала «демократической» альтернативой фактически реализованному проекту Москвы как «третьего Рима». В этом и заключалась ее историческая, к сожалению, до конца не реализованная, миссия. Но, по мнению Норкуса, несмотря на то что Российской империи наконец-то удалось уничтожить ВКЛ, она не смогла реализовать основную цель своей имперской программы — навсегда объединить под своей властью жителей бывшей Киевской Руси и превратить их в один народ⁴⁵. Таким образом, ВКЛ стала не «кладбищем народов», как случилось во многих других империях, а скорее «колыбелью» трех наций — литовцев, беларусов и (отчасти) украинцев, и в этом заключается ее историческое значение.

Отвечая на политически очень важный вопрос — «чьей империей была ВКЛ?» — и полемизируя с российской и беларусской историографиями (для первой ВКЛ — «западная, другая Русь»⁴⁶, для части исследователей второй — «государство беларусов» или по крайней мере «восточных славян») Норкус тоже прибегает к многочисленным примерам, взятым из контекста других эпох и цивилизаций. Многокультурность и многоэтничность — типичная черта как исторических, так и современных империй — в случае ВКЛ была очень яркой, но для него характерно и другое типичное свойство империй — его правящую элиту составляли представители одной этнической группы, часто находящиеся в меньшинстве. Поэтому, хотя литовцы уже в государстве князя Гедиминаса стали демографическим меньшинством, они сумели сохранить господствующее положение в кругах метропольной власти до конца XV в., когда в среду элиты начали просачиваться шляхетские роды русинского происхождения. Но, не имея собственной письменной традиции и оказавшись в доминирующем окружении чужого лингвистического пространства, со временем они постепенно потеряли родную речь, что тоже является типичной судьбой имперских элит. Несмотря на это, литовской шляхте удалось не ассимилироваться полностью со славянами (что произошло, например, в случае варягов) и сохранить особое этническое самосознание до конца существования ВКЛ (знаменитое выражение *gente lituanus, natione polonus*). Не только потому, что они выбрали католическое вероисповедание, сберегшее их от русификации (но не от полонизации), но и

⁴⁵ Norkus Z. Nepasiskelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios imperijų sociologijos požiūriu [Непровозгласившаяся империя. Великое Княжество Литовское с позиций сравнительной социологии империй]. — Vilnius, 2009. — P. 387.

⁴⁶ Филлюшкин А. «Другая Русь» в русской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo dalybos / Sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. — Vilnius, 2008. — Pp. 93–113.

благодаря появившейся в начале XVI в. легенды о «римском происхождении» литовской знати, что им позволило успешно отгородиться от «сарматов»-поляков⁴⁷. Так что потеря родного языка (очень важного идентификационного параметра для литовского самосознания XX в.) для представителя аристократии XVI–XVIII вв. отнюдь не означала отказа от своей этничности, только она воспринималась иначе, чем в эпоху этнолингвистического национализма, и была скорее похожа на его гражданский вариант. Быть литовцем/литвином в ВКЛ означало принадлежность к гражданскому и политическому сообществу особого типа (конечно, эти права не распространялись на крестьян и другие непри-вилегированные сословия), так что в контексте славянизации или — позднее — полонизации литовских дворян параллельно происходил и процесс политической и культурной «литуанизации» русинских родов (интервью проф. З. Норкуса национальному ежедневнику «Летувос ритас» от 23.12.2009 г.).

Норкус ограничивается исследованием эпохи до Люблинской унии, когда ВКЛ потеряла свой фактический суверенитет и право на ведение самостоятельной внутренней и внешней политики. Для обозначения формы государственного устройства и дальнейшего развития ВКЛ в составе «республики обоих народов» он использует термины «имперской федерации» или «имперской конфедерации», но не берется развивать эту тему, удовлетворяясь замечаниями «дискуссионного характера»⁴⁸.

В данном исследовании З. Норкус предоставил аргументы в пользу империи как *формы устройства* ВКЛ, но намного меньше внимания уделил вопросу *формы его правления* (монархия или республика?). Хотя этот вопрос тоже требует анализа, превосходящего замысел и цель нашей статьи, но в контексте обзора восприятия памяти ВКЛ в литовском обществе нельзя обойти стороной идеи известного литературоведа и публичного интеллектуала Дарюса Куолиса. Будучи директором «Института гражданского общества» и часто публично выступая с анализом современных проблем, он нередко опирается на традиции гражданского самосознания элиты ВКЛ, ее мысли и общественную позицию, представляя модели прошлого в качестве примера для подражания⁴⁹.

Но каково действительное влияние вышеупомянутых и не упомянутых образов и интерпретаций ВКЛ, представляемых широкой публике современными политиками и интеллектуалами? Социолог Ирена Шутинене уже много лет специализируется в области анализа исторического сознания литовского общества. В одном из ее исследований ставился вопрос о том, каким образом наследие ВКЛ находит контакт с массовым сознанием и какое значение

⁴⁷ Petrauskas R. Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnų teorijos aspektai [Социальные и историографические аспекты теории римского происхождения литовцев] // Senoji Lietuvių literatūra [Древняя литовская литература]. — 2004. — Kn. 17. — Pp. 270–284.

⁴⁸ Norkus Z. Nepasiskelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios imperijų sociologijos požiūriu [Непровозгласившаяся империя. Великое Княжество Литовское с позиций сравнительной социологии империй]. — Vilnius, 2009. — P. 383.

⁴⁹ Kuolys D. Lietuvos respublika: idėjos ištakos [Литовская республика: возникновение идеи] // Senoji Lietuvos literatūra. — 2005. — Kn. 19. — Pp. 157–196.

символические репрезентации данного периода имеют для идентичности литовцев и поляков Литвы⁵⁰. Проведенные ею опросы показали, что на сегодняшний день история ВКЛ не является одним из самых важных периодов. Для литовской идентичности важнее современность и недавнее прошлое. Проведенные ранее исследования установили, что главное место в сознании населения Литвы занимает приобретение независимости. Несмотря на это, ВКЛ, и особенно эпоха до смерти великого князя Витаутаса, остается довольно значимой. Однако более поздние периоды существования государства, особенно в составе Речи Посполитой, являются несущественными. Таким образом, можно прийти к выводу, что видение ВКЛ не выходит за рамки традиционных мифов литовского национализма («страна от моря до моря», «великие князья», «героические бои с крестоносцами» и т.д.). Но они, особенно в сознании более молодого поколения, связываются и с современными ценностями — государственностью (отмечается значение *Конституции* 1791 года, достижений культуры и пр.), европейской интеграцией и ориентированной на Запад внешней политикой, а также мультикультурализмом и толерантностью.

Очевидно, что для современного литовского национализма мобилизационные цели становятся менее важными. И в этом заключается отличие от периода начала независимости, когда актуализировались мифы о «золотом веке» или «героическом величии страны»⁵¹. Сегодня на их место приходит поиск решений проблем новой интерпретации коллективной идентичности, неизбежно вынужденной приспосабливаться к современным социальным и политическим условиям евроинтеграции и глобализации. Таким образом, богатое и многогранное наследие ВКЛ становится хранилищем, из которого можно черпать многочисленные и разнообразные ценности для использования их в постоянно меняющихся социальных и политических обстоятельствах.

***Case study.* Проект воссоздания Дворца Государей в Нижнем замке Вильнюса**

В начале 2000-х начатое воссоздание Дворца Государей в Нижнем замке столицы Литвы Вильнюса можно без сомнения считать самым важным культурным проектом по выявлению памяти и ВКЛ за весь период теперишнего независимого литовского государства. Он в обществе вызвал и до сих пор вызывает самые противоположные мнения и суждения. Но перед тем как начать обзор при воссоздании Дворца возникающих проблем, несколько слов о том, почему вообще приходится воссоздавать это здание.

⁵⁰ Šutinienė I. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės paveldo reikšmės populiariosiose tautinio naratyvo interpretacijose [Значения наследия Великого Княжества Литовского в популярных интерпретациях национального нарратива] // Lietuvos istorijos studijos. — 2008. — Т. 21. — Pp. 102–120.

⁵¹ Šutinienė I. Tautos praeities interpretacijos ir nacionalizmo ideologija. Lietuvos socialinės panoramos kontūrai [Интерпретации национального прошлого и идеология национализма]. — Vilnius, 1998. — Pp. 50–57; Tung A.M. Preserving The World's Great Cities. The Destruction and Renewal of the Historic Metropolis. — New York, 2001.

До 1987 г., когда были начаты комплексные археологические раскопки территории в самом центре Вильнюса, рядом с Кафедральным собором, где когда-то находился Дворец Государей, составляющий неотъемлемую часть ансамбля Вильнюсского Верхнего и Нижнего замков, по письменным источникам было известно, что возведение здания из четырех корпусов было начато в 1520 г. по приказу польского короля и великого князя литовского Сигизмунда Старого и предназначалось для резиденции великого князя. При правлении его сына и последнего представителя литовской династии Ягеллонов Сигизмунда Августа Дворец пережил период процветания и являлся центром высокой культуры Ренессанса. В стиле барокко Дворец перестраивался в начале XVII в., во времена правления шведской династии Ваза. Существуют предположения, что тогда были реконструированы лишь интерьеры Дворца. В середине того же века, во время войны с Московией, Дворец подвергся опустошению, и государи после этого в него больше не возвращались.

Как известно, после третьего и последнего передела Речи Посполитой Российская империя оккупировала эти территории, переименовав их в «Северо-Западный край». Руины Дворца в самом центре Вильнюса простояли до 1801 г., когда по приказу царского правительства его надземная часть была разобрана на кирпичи и продана, а само место сравнено с землей. В то время на небольшом участке бывшего Дворца еврейский купец Авраам Шлезберг построил двухэтажный жилой дом в стиле историзма, тем самым сохранив и интегрировав в него некоторые фрагменты стен и часть подвалов Дворца. В середине XIX в. на подножье горы Гедиминаса была воздвигнута военная цитадель, которая в конце того же века тоже была устранена, а территория Дворца обсажена деревьями и превратилась в городской парк.

В 1987 г. начатые археологические раскопки позволили открыть все сохранившиеся фундаменты Дворца Государей, выяснилось, что культурный слой территории очень богат находками и указывает на более раннее ее заселение, еще до XVI в. Самые ранние образцы кирпича датируются XIII в., то есть, эпохой создания самого литовского государства королем Миндаугасом. Но были найдены и останки еще более ранних деревянных построек. Так что теперь можно с уверенностью сказать, что ренессансный Дворец являлся лишь очередной реконструкцией здания великокняжеской резиденции.

Как башня Гедиминаса Верхнего замка в историческом сознании литовцев отождествляется с самим городом Вильнюсом и стала его метонимией, так и Дворец Государей некоторым представляется как метонимия самой литовской государственности, воссоздание которой является коренной задачей нации. Об этом мечтали, начиная уже со времен разрушения Дворца. Из-за сильной символической нагрузки аутентичные останки Дворца никогда не были лишь местом нейтрального научного интереса. Этот объект можно с уверенностью считать «местом памяти» Великого Княжества Литовского *par excellence*. Таким образом, его исследование и сохранение всегда было скорее политической, идеологической, нежели только наследиеведческой проблемой.

Представители созданных в 1950 г. литовских архитектурно-реставрационных мастерских скоро между собой начали дискутировать о практической возможности придания комплексу Верхнего и Нижнего замков Вильнюса более

объемного вида, в том числе и при помощи возврата потерянных его частей. Размышляя об этом, архитекторы-реставраторы опирались на успешный ход реконструкции Тракайского замка (она была начата еще в 1939 г. польскими реставраторами). Но эти мечты и планы в ходе начавшейся хрущевской кампании «борьбы с архитектурными излишествами» были грубо остановлены обвинениями литовских реставраторов в «расхищении государственных средств, поклонении перед феодалами», в общем — в национализме, что в советскую эпоху считалось одним из наиболее страшных смертных грехов. Вследствие развернувшегося в конце 1960 г. «Тракайского скандала» (искрой для его разжигания стала статья московских журналистов Н. Коновалова и Ю. Пономаренко⁵²) почти на целое десятилетие были «заморожены» финансовые потоки, предназначенные для реставрационных нужд республики⁵³.

Таким образом, из-за идеологической подоплеки исследовательские и охранные работы на территории комплекса Вильнюсских замков в советское время велись медленно. В то время, не считая работ по консолидации и консервации руин Верхнего замка, был воссоздан лишь Арсенал, реконструкция которого тоже подверглась сильному идеологическому прессингу. Поэтому чаяния и суждения насчет будущего территории Нижнего замка могли приобрести более осязаемую форму лишь при возрождении независимости Литвы во время распада СССР.

Вопросы, возникшие при решении проблемы того, что делать с открытыми останками Дворца Государей, можно разделить на три блока: 1) проблему качественного исследования и охраны аутентичной подземной части Дворца и ее культурного слоя, 2) проблему возможности реконструкции или воссоздания Дворца и 3) вопрос о будущем его назначении.

Коротко остановимся на каждой из них. Как уже упоминалось, археологические исследования территории позволили открыть подземные остатки Дворца, так что актуальным стал вопрос о том, как в условиях литовского климата остановить неизбежный процесс разрушения аутентичных реликтов фундамента. Специалисты предложили три возможных варианта решения этой проблемы:

1) самый простой и часто используемый в археологии — исследовав и зафиксировав, все засыпать песком. Но в данном случае можно похоронить и саму идею экспонирования аутента. Тем более что этот метод полностью не решает и проблемы сохранности археолого-архитектурных реликтов;

2) исследованное пространство покрыть специальным сооружением, которое бы соответствовало требованиям урбанистики данной территории и служило для охраны и осмотра останков;

3) на этом месте построить современное здание;

⁵² Коновалов Н., Пономаренко П. Время ли восстанавливать замки? // Известия. — 1960. — № 300. — С. 4.

⁵³ Čepaitienė R. Laikas ir akmenys. Kultūros paveldo sampratos moderniojoje Lietuvoje [Время и камни. Концепции культурного наследия в современной Литве]. — Vilnius, 2005. — P. 197–201.

4) воссоздать Дворец в его исторической форме.

Надо отметить, что первый вариант специалистами почти и не обсуждался, так что на рассмотрение остались трое последних. Но предложение покрыть археологические раскопки стеклянной или какой — нибудь другой современной конструкцией (раздел «старого» и «нового», как этого требует Международная хартия по консервированию и реставрации памятников и их комплексов (ИКОМОС, Венеция, 1964 г.) тоже вызвало сомнения экспертов, потому что это бы ярко контрастировало с окружающей старой архитектурой и заняло бы довольно большую площадь в самом центре столицы. С другой стороны, предполагалось, что, в случае воссоздания Дворца, само новое здание станет оберегать оставшиеся фундаменты и даст доступ к их осмотру. Кстати, в 1994 г. проводился конкурс по решению этой проблемы, в котором доминировали предложения по реконструкции Дворца в виде современного здания. Несмотря на это, в 2000 г., приняв политическое решение, победила идея «воссоздания облика Дворца». В этом выборе надо отметить сильную личную инициативу первого Президента независимой Литвы Альгирдаса Бразаускаса, потому что можно почти с уверенностью сказать, что без прямого вмешательства политической воли, одни лишь специалисты, наверное, по сей день спорили бы о возможных вариантах развязывания этого «гордиева узла» литовской охраны наследия.

Решению воссоздания способствовало несколько важных документов — в 2000 г. в свет вышел *Закон о воссоздании и предназначении Дворца государей Великого княжества Литовского*, после которого в 2001 г. Последовала утвержденная Правительством Литовской Республики *Концепция воссоздания и предназначения Дворца государей Великого княжества Литовского*. А еще через год были официально начаты восстановительные работы.

Решая вопрос о методике воссоздания Дворца, архитекторы-реставраторы выбрали термин «воссоздание образа Дворца Государей» как более нейтральный, точный и соответствующий желанию части общества видеть «памятник потерянному памятнику». Интересно, что будущее здание в политической риторике воспринимается и как памятник Литве, в 2009 г. немеревающейся праздновать свой Миллениум⁵⁴, по-этому здание должно было быть закончено до начала этих празднеств.

Несмотря на усердные старания исследователей, сделавших макет и виртуальную реконструкцию ренессансного Дворца, скептики проекта до сих пор делают акцент на том, что его воссозданию препятствует нехватка достаточного количества подлинных данных о былом облике (особенно о внутреннем дворе и интерьерах), уже не говоря о сложности самого объекта. Ведь речь идет о здании, претерпевшем по крайней мере три реконструкции в трех разных архитектурных стилях. Таким образом, возникает вопрос, который из бывших обликов Дворца воссоздавать?

⁵⁴ Кстати, в 2009 году Вильнюс, вместе с австрийским городом Линцем, поделит честь на год стать Европейской столицей культуры.

В контексте данной полемики надо обратить внимание на то, что вопросы о возможности возврата утраченных архитектурных ценностей путем их воссоздания в Западной и Центральной Европе в основном решались до середины XX в. (самым известным случаем является послевоенная польская реконструкция разрушенных городов Варшавы, Гданьска, Элблинга и пр., подробнее см.⁵⁵), а страны бывшего СССР, из-за сложных исторических обстоятельств, с ними напрямую столкнулись в конце XX в.⁵⁶ Отражением ситуации посткоммунистических стран, для которых очень острым стал вопрос о создании и консолидации национальной идентичности, в поле охраны культурного наследия явилась региональная Рижская хартия ИКОМОС'а «*Об аутентичности и исторической реконструкции культурного наследия*». Хартия была принята 24 октября 2000 г. представителями Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси и Украины во время международной конференции, инициатором которой стал ICCROM и Национальная комиссия UNESCO Латвии. Этот документ в *исключительных случаях* позволил научную реконструкцию утраченных объектов старины, имеющих огромное символическое значение для идентичности конкретного государства и общества. Но при этом хартия строго оговаривает и несколько условий: 1) должен быть собран полный объем всех возможных исследований и исторической документации (включая иконографические, архивные и натурные доказательства); 2) реконструкция не должна фальсифицировать контекст всего города или ландшафта; 3) не будет повреждена существующая историческая среда и, *особенно*, 4) необходимость реконструкции должна быть подтверждена широкими и открытыми консультациями с обществом.

Но мнения об объеме подлинных данных о Дворце в среде специалистов как раз резко разошлись. Одни были и остаются уверены, что об этом объекте известно почти все необходимое для его точного воссоздания. Другие же подсчитали, что уровень достоверной информации достигает лишь 23 процента от числа всей необходимой⁵⁷.

Хотя самые обширные, археологические (и отчасти архитектурные) исследования до сих пор остаются не до конца систематизированными. Исторические данные, в свою очередь, несмотря на усердное старание специалистов Института истории Литвы, перелопативших почти все архивы Европы, где хоть что-то может быть найдено о Дворце и дворцовой жизни, остаются очень скудны. Лишь недавно в свет вышел сборник статей и письменных источников, представляющий теперешнее состояние исторических исследований Дворца, подго-

⁵⁵ Rymaszewski B. Polska ochrona zabytków. Refleksja z lat 1918–2002. — Warszawa, 2002; Tung A.M. Preserving The World's Great Cities. The Destruction and Renewal of the Historic Metropolis. — New York, 2001.

⁵⁶ Тут можно выделить случай с Украиной, реставраторы которой воссоздали гипотетический вид Золотых ворот в Киеве и т.д.

⁵⁷ Lietuvos didžiosios kunigaikštystės Valdovų rūmų atkūrimo byla: vieno požiūrio likimas [Дело о воссоздании Дворца Государей Великого Княжества Литовского: судьба одного взгляда] // Lietuvos istorijos studijos, specialusis priedas. — № 4. — 2006. — P. 102.

товленный коллективом из 13 историков и искусствоведов⁵⁸. Искусствоведческие исследования, которые проводились хаотично и фрагментарно, также немногочисленны. Более того, актуальным остается вопрос о профессиональной интерпретации и синтезе уже полученной информации, которая требует мультидисциплинарного подхода не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Несмотря на это, сторонники пуристически понимаемой охраны культурного наследия делали акцент на ценности *исторической правды* — аутентичное здание разрушено и его воссоздание невозможно. Они аргументировали тем, что новое здание, построенное на археологических останках, будет муляжем, новоделом, инородным в контексте исторически сложившегося урбанистического пространства данной местности (намек на несоблюдение второго и третьего условий *Рижской хартии*). Им в ответ патриотически настроенные сторонники идеи воссоздания акцентировали ценность *исторической справедливости*. Воссоздание Дворца для них означало, что «окупанты нас не победили». На эту шкалу ценностей вообще-то и опиралась развернувшаяся полемика. Сторонники воссоздания рассчитывали и на так называемую «стоматологическую» теорию «вставки выбитого зуба». То есть, воссоздание Дворца для них означало реконструкцию потерянного элемента полотна более широкой урбанистической структуры — всего комплекса Верхнего и Нижнего замков. В свою очередь противники идеи воссоздания обратили внимание на то, что для постройки нового здания в каждом году потребуется столько же финансовых средств, сколько за год получает вся система охраны культурных ценностей Литвы, которая и так уже много лет находится на голодной диете, в то время как множество аутентичных объектов старины остаются без реальной помощи. В обществе ходили и слухи, что эта «стройка века» является только предлогом для крупномасштабного отмывания государственных средств, что со временем отчасти и подтвердилось...

Наверное, из за нескончаемых споров вокруг судьбы Дворца и нехватки хоть какого-то консенсуса в среде специалистов, по социологическим исследованиям общественного мнения, этот проект не получил обширного и ярко выраженного одобрения со стороны общества, что тоже не соответствует главному условию *Рижской хартии*.

Дискуссии по поводу самой научной методики воссоздания в среде специалистов тоже приобрели ярко выраженный оппозиционный характер. В данном случае можно выделить два основных предложения. Первое из них, так называемая «ботаническая» метафора «выращивания от корней» предлагала строить новое здание прямо на старом фундаменте, перед тем его должным образом укрепив. Вторая идея, которая впоследствии и была воплощена на практике, предлагала не опирать новые стены на сохранившийся аутент фундамента, а его накрыть новой конструкцией при помощи своеобразной системы

⁵⁸ Vilniaus Žemutinė pilis XIV a. — XIX a. pradžioje. 2002–2004 m. istorinių šaltinių paieškos [Вильнюсский Нижний замок в XIV — начале XIX вв. Поиски источников в 2002–2004 году] / Red. R. Ragauskienė. — Vilnius, 2006.

опор, которая как бы «оседлает» археологические остатки. Также предполагалось, что доступ к подземной части Дворца будет открыт лишь специалистам, а посетители смогут ее рассматривать через стеклянные отверстия в полу. (Уже можно отметить, что начав реализовать именно эту концепцию, в ходе внедрения системы опор, была потеряна некоторая часть культурного слоя, тем самым сильная вибрация, как предполагают специалисты, негативно повлияла на состояние стен находящегося по соседству Римско-католического Кафедрального собора).

Остается сказать несколько слов о замысле предназначения воссозданного Дворца. Интересно, что этот вопрос, в ходе горячей дискуссии о самой возможности воссоздания объекта, затрагивался намного реже. Очевидно, что политический интерес требовал визуально выразительного престижного здания. Хотя со временем пришлось отказаться от первичной идеи переноса в Дворец Президентуры или Парламента — Сейма, последующие концепции предназначения Дворца все-таки отмечали возможность придать ему и репрезентационную функцию. В 2001 г. принятая литовским правительством *Концепция о воссоздании и предназначении Дворца Государей Великого княжества Литовского* только мимоходом коснулась данного вопроса, упомянув лишь о будущей полифункциональности здания, понимаемого как *интегральный центр исторической культуры*.

Для решения этой задачи были созданы две впоследствии конкурирующие концепции — подготовленная руководством Музея прикладного искусства (МПИ), которому Правительством и было поручено заняться созданием убранства Дворца, и созданная группой специалистов Исторического факультета Вильнюсского университета (ВУ), в создании которой приходилось принимать участие и автору этого текста.

Коротко говоря, подготовленная МПИ *Концепция*, несмотря на всю свою демократическую риторику, склонялась к идее разместить во Дворце традиционный элитарный музей искусств. По этому поводу представители МПИ на западных аукционах уже начали скупать антикварную мебель и произведения искусства эпохи Ренессанса. Альтернативная концепция представителей ВУ при выборе функции (или функций) Дворца прежде всего обратила внимание на необходимость создания теоретической подосновы данного вопроса. Главной ее идеей стала мысль, что «невозможно отделить концепцию воссоздания от концепции предназначения, потому что экстерьеры, интерьеры, объекты и другие информационные средства составляют один *медиа-узел*». Расширяя и уточняя правительственную *Концепцию*, группа историков ВУ сделала акцент на том, что в этом документе предусматривалась многофункциональность Дворца, определяемого как центр *исторической культуры* в самом широком смысле слова. Таким образом, реконструкция облика здания стала восприниматься не как его недостаток, а, наоборот, как возможность показать посетителю реконструируемость самого исторического процесса при помощи современных методов и принципов исследования и дидактики наследия. Поэтому предлагалось экспонаты выбирать и помещать по принципу *степени сохранности аутента*, то есть, в сохранившихся помещениях экспонировать только аутентичные вещи той же эпохи (строгий музейных режим), там, где уровень

существующей информации о виде интерьеров довольно высок — ставить посетителю для пользования доступные муляжи и копии, а там, где подлинных данных не хватает — оборудовать помещения и убранство интерьеров в современном виде. Правда, при более глубоком исследовании этого вопроса выяснилось, что на практике применять эту схему довольно сложно.

Также был сделан акцент на мультиперспективности интерпретации истории многоэтничного государства — Великого Княжества Литовского — предусматривая, что это здание и его экспозиция должны стать интересным не только литовцам, но и посетителям из других, особенно соседних стран. С другой стороны, данная *Концепция* делала яркий акцент на демократичности использования объекта и его общедоступности, поэтому предлагала прибегнуть к внедрению принципов «живой истории» и современным приемам музейного образования, что позволило бы поднять уровень атрактивности экспозиции и таким образом компенсировать существенные финансовые затраты на данный объект.

К сожалению, в косвенной борьбе концепций *музея-хранилища ценностей* и *музея-спектакля*, победила первая, хотя надо признать, что со временем ее создатели пошли на некоторые компромиссы, перенеяв несколько предложений второй.

Из-за экономического кризиса 2008 г. не удалось закончить воссоздание Дворца до празднований Тысячелетия Литвы. Работы внутри здания продолжают по сей день, хотя часть помещений уже доступны для посетителей, в них проводятся конференции, спектакли, концерты камерной музыки и пр. Но только время покажет, станет ли воссозданное здание Дворца Государей своеобразным полигоном укрепления исторической культуры, предлагающей более расширенный взгляд на многокультурное наследие Великого Княжества Литовского.

Выводы

Как можно видеть из теста, «идея ВКЛ» в сегодняшнем литовском обществе оживает в разных формах и выполняет разные функции. В основном это связано с поисками места и роли страны в современной геополитической ситуации: вступление в ЕС, «политика соседства», «Восточное партнёрство», вызовы глобализации и евроинтеграции. Главную конкуренцию Литве составляет Беларусь, где существующие модели интерпретации ВКЛ пытаются особенно выделить «беларусский фактор», часто в ущерб «литовскому», и, таким образом, укрепляя основу для современной/будущей белорусской национальной идентичности. В России некоторые историки начинают в истории Княжества видеть демократическую альтернативу Русскому государству. В Польше «республика обоих народов» уже воспринимается как прототип ЕС. Такие разные интерпретации и репрезентации ВКЛ способствуют как сближению соседних народов, так и закреплению стереотипов прошлых лет или даже к появлению новых.

В современной литовской памяти о ВКЛ можно выделить пять основных ракурсов интерпретации, на пересечении которых формируется та либо другая модель самоопределения, которые часто взаимно дополняют друг друга и имеют

различную степень актуальности, но, как известно, в политике памяти все может меняться очень быстро. Это отношение к: *государственности* («империя или республика?», «Литовская Республика — воссоздание или создание государства?»), *религии* («язычество или христианство?»), *этничности* («литовцы или литвины?»), *наследию* («свое или чужое?», «национальное или многокультурное?») и *идентичности* («кто мы такие?» — балты, литовцы, европейцы, восточноевропейцы, постсоветская нация?) и прочее.

Эксклюзивистская модель межвоенного периода («найдем литовцев в истории Литвы...»), твердо укрепившееся в виде «великого национального нарратива», по сей день затрудняет более открытое и творческое восприятие многокультурного прошлого древнего литовского государства. Но постепенно ей все более заметный вызов бросает продвигаемая интеллектуалами современная, интеграционная модель видения ВКЛ как «прототипа ЕС», подчеркивающая его полиэтничный, поликонфессиональный, толерантный характер и гражданские ценности республики.

СПОГАДИ ПРО ВЕЛИЧ: ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗІВСТВА ЛИТОВСЬКОГО В ІСТОРИЧНІЙ ПАМ'ЯТІ СУЧАСНОЇ ЛИТВИ

Rasa Cepaitienė (PhD, старший науковий співробітник Інституту історії Литви, професор Вільнюського університету, rasa.cepaitiene@if.vu.lt)

У статті обговорюється широка палітра питань, пов'язаних зі сприйняттям пам'яті і спадщини ВКЛ у литовському суспільстві за період кінця XIX — початку XXI ст. Особливу увагу приділено різнобічним зв'язкам історичної науки та історичної політики, починаючи з проблем спадкоємності державності і дискусій, пов'язаних із «кількістю литовських республік», до полеміки щодо використання образу ВКЛ з метою євроінтеграції, регіональної політики чи створення громадянського суспільства всередині країни.

Зроблено висновки, що зміни сприйняття образу Великого Князівства і його використання для політичних цілей чітко вказує на трансформації авторепрезентацій литовської держави і влади.

Ключові слова: *Велике Князівство Литовське, пам'ять, спадщина, етнолінгвістичний і громадянський націоналізм, імперія, республіка, євроінтеграція.*

MEMORIES OF THE GRANDEUR: THE IMAGE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE HISTORICAL MEMORY OF CONTEMPORARY LITHUANIA

Rasa Cepaitienė (PhD, Senior research associate, Institute of History, Academy of Sciences of Lithuania, Professor of Vilnius University, rasa.cepaitiene@if.vu.lt)

The article deals with the wide spectrum of questions connected with the perception of memory and heritage of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) in the Lithuanian society in the late XIX — early XXI centuries. Special interest is given to

multifarious relations of history and historical politics, from inheritance of statehood to discussions connected with the «number of Lithuanian Republics» and polemics on the use of the GDL image for various contemporary purposes: europeanization, regional politics or civil society building within the country.

The author of the article goes to the conclusion that changes in the perception of the image of GDL clearly represent the transformations in self-representations of the Lithuanian state and society.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, memory, heritage, ethnolinguistic and civil nationalism, empire, Republic, euro integration.*